

АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Валерий Владиславович СМИРНОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ),
Чебоксары, Российская Федерация
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>
SPIN-код: 3120-4077

История статьи:

Рег. № 160/2021
Получена 25.03.2021
Получена в
доработанном виде
15.04.2021
Одобрена 29.04.2021
Доступна онлайн
15.07.2021

УДК 330.3

JEL: D40, H10, H19,
L10, O10

Ключевые слова:

валютный курс,
внутренние
заимствования,
достаточный
индикатор,
структурные
отношения,
существенные
свойства, устойчивый
рост

Аннотация

Предмет. Структурные отношения в российской экономике.

Цели. Выявление основы структурных отношений в российской экономике.

Методология. Исследование основано на системном подходе с применением метода статистического, нейросетевого и кластерного анализа.

Результаты. Выделена проблема формирования оптимальных структурных отношений в российской экономике. Выявлена совокупность существенных свойств российской экономики, образующих проблему формирования оптимальных структурных отношений, не позволяющую обеспечить устойчивый рост и поступательное развитие в современных условиях: утрата способности экономики поддерживать рост за счет внутренних заимствований и нарастающая зависимость от валютного курса; устойчивый рост монетарных показателей; структурный приоритет внешнеторгового оборота, волатильность которого компенсируется официальным курсом доллара США по отношению к рублю в рамках дефицита (профицита) консолидированного бюджета и др. Основой структурных отношений в российской экономике является возможность поддерживать ее рост за счет внутренних заимствований и изменения валютного курса. Выявлена корреляция объема внутренних заимствований с объемом платных услуг населению и оборотом розничной торговли, которые зависят от заработной платы работников организаций и определяются уровнем инвестиций в основной капитал, а изменение валютного курса – с внешнеторговым оборотом и дефицитом (профицитом) консолидированного бюджета.

Область применения. Положения исследования расширяют сферу знаний и развивают компетенции Правительства РФ для постановки грамотно связанных задач в контексте формирования оптимальных структурных отношений в российской экономике.

Выводы. Экономический рост за счет внутренних заимствований и изменения валютного курса, как основа структурных отношений в российской экономике, является

достаточным индикатором для оценки эффективности деятельности правительства Российской Федерации.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Смирнов В.В. Анализ структурных отношений в российской экономике // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2021. – Т. 17, № 7. – С. 1344 – 1366.
<https://doi.org/10.24891/ni.17.7.1344>

Введение

Актуальность данной темы обусловлена, по мнению А.Г. Аганбегяна, вхождением России в апреле 2020 г. в социальный и финансово-экономический кризис структурного типа, связанный с коронавирусной пандемией и катастрофическим сокращением экспорта продукции нефтегазовой промышленности¹. А.Г. Аганбегян, оценивая сложившуюся социально-экономическую ситуацию в стране, делает вывод о том, что в отличие от кризиса 2009 г., который был преимущественно финансово-экономическим, кризис 2020 г. в подавляющей своей части является кризисом социальным, когда в наибольшей мере снижаются показатели благосостояния граждан. Возврат к планированию позволит обеспечить выполнение единого финансового плана, инвестиционной программы всей страны, директивных показателей предприятий и организаций, контролируемых государством, а также даст толчок государственно-частному партнерству [1].

В свою очередь, С.Ю. Глазьев полагает, что мирохозяйственная система вошла в состояние крутого пике: это уже не режим «с обострением», когда транснациональные банки и корпорации, ведомые желанием списать или минимизировать свои обязательства, провоцируют финансовые вихри в планетарном масштабе. Это – хаос гибридной войны. Происходит глубокая перестройка всей системы экономических связей и отношений. Чтобы понять логику катастрофических событий, потрясающих сегодня Россию и мир, и дать прогноз их дальнейшего развертывания, необходимо оттолкнуться от понимания долгосрочных закономерностей экономического развития². Формирование нового – интегрального – мирохозяйственного уклада предъявляет повышенные требования к качеству идеологического базиса масштабных социально-экономических трансформаций [2].

¹ Аганбегян А.Г. Как преодолеть стагнацию и новый кризис, обеспечив социально-экономический рост // *Экономические стратегии*. 2020. Т. 22. № 5. С. 34–45.
URL: <https://doi.org/10.33917/es-5.171.2020.34-45>

² Глазьев С.Ю. Проблемы и перспективы российского финансового рынка в условиях структурных изменений мировой экономики // *Финансы: теория и практика*. 2020. Т. 24. № 3. С. 6–29. URL: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-3-6-29>

П.А. Минакир считает, что выход российской экономики из кризиса 2015–2016 гг. блокируется двумя основными факторами: 1) началом очередного цикла рецессии в мировой экономике, что формирует новые спросовые и ресурсные внешние шоки; 2) устойчивостью экстрактивного характера российских экономических институтов, ориентированных не на формирование платформы экономического роста, а напротив, на дезактивацию ресурсов роста [3].

Итак, изложенная цепь суждений приводит к умозаключению о необходимости анализа структурных отношений в российской экономике для преодоления сложившихся в ней проблем.

Обзор литературы

Проблема формирования оптимальных структурных отношений в российской экономике связана с нарастающими противоречиями в изменяющемся мироустройстве. Так, Я. Стивактис указывает, что в ответ на усилия российского правительства, направленные на внутривнутриполитические и экономические преобразования, а также на изменение образа действий страны во внешней политике, в конце саммита G7 в Неаполе 10 июля 1994 г. президент США Б. Клинтон объявил о вхождении России в «мировое сообщество». Включение России в «сообщество цивилизованных государств» показывает, что для того, чтобы присоединиться к международному сообществу, государства должны научиться приспособляться к новым реалиям, несмотря на внутривнутриполитическое противостояние и достаточно высокую цену [4].

У. Бекер и др. полагают, что Россия была единственной экономикой БРИК, которая делиберализовалась за десятилетие после конца 1990-х гг., в то время как российский патримониализм к 2008 г. вырос до самого высокого уровня. Эффективность правительства, в том числе эффективность его принудительных задач, немного повысилась, но качество регулирования и наличие верховенства закона остались на очень низком уровне³. Т. Сумманен и др. указывают, что Россия является первой и пока единственной страной, которая разделила право собственности на распределение и передачу электроэнергии, а затем, несколько лет спустя, объединила эти услуги в рамках одной компании. Разделение собственности повысило качество обслуживания в электрических сетях, но привело к увеличению операционных расходов для компаний по распределению электроэнергии [5].

Дж. Купер утверждает, что советское наследие продолжает жить в новом посткоммунистическом порядке. Социалистическая плановая экономика

³ *Becker U., Vasileva A. Russia's political economy re-conceptualized: A changing hybrid of liberalism, statism and patrimonialism // Journal of Eurasian Studies. 2017. Vol. 8. Iss. 1. P. 83–96. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2016.11.003>*

просуществовала более 60 лет и стала глубоко институционализированной, и те, кто сегодня занимает лидирующие позиции в России, являются продуктами этой системы и в некоторой степени – носителями мышления, связанного с ней⁴. С.М. Хашим выделяет попытки В. Путина изменить конфигурацию отношений между государством и обществом под видом «управляемой демократии». Кремль во время первых двух президентских сроков Путина (2000–2008 гг.) пытался рассматривать общество как материализованный объект, то есть отдельный от государства объект управления [6].

П. Рутланд указывает на приоритет российской внешней политики по измерениям безопасности, экономики и культурной самобытности, каждое из которых соответствует своему геополитическому вектору⁵. Дж. Купер отмечает, что впервые за почти 25 лет Россия снова обладает боеспособными вооруженными силами. Обладая большей экономической и военной мощью, руководство России теперь чувствует себя более напористым и даже воинственным на мировой арене [7].

М. Дабровски актуализирует проблему структурных отношений в российской экономике, выделяя итоги Второго всемирного конгресса сравнительной экономики, прошедшего с 15 по 17 июня 2017 г. в Санкт-Петербургском кампусе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Представленные на нем документы охватывали такие темы, как догоняющий рост, деловые и финансовые циклы, структурная трансформация, корпоративное управление, экономическая история, миграция, прямые иностранные инвестиции, финансовый и банковский сектор, развитие человеческого капитала, промышленная организация, институциональный дизайн и динамика, рынок труда и производственные отношения, макроэкономическая стабильность и политика, региональное развитие, международная торговля и торговая политика [8]. Например, И. Воскобойников обнаружил, что стагнация 2008–2014 гг. была в большей степени результатом замедления общей факторной производительности (ОФП) и ухудшения распределения рабочей силы, чем нехватки капитальных вложений. Более того, за несколько лет до кризиса в России началось замедление темпов роста ОФП, как и в крупных странах мира, таких как США, страны ОЭСР, Китай и Бразилия. Е. Гурвич и Е. Вакуленко установили, что российский рынок труда может характеризоваться сочетанием серьезных структурных проблем (таких как низкая мобильность сотрудников, значительный размер теневого сектора и т.д.) и хорошими

⁴ *Cooper J.* The Russian economy twenty years after the end of the socialist economic system // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4. Iss. 1. P. 55–64. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2012.07.002>

⁵ *Rutland P.* Still out in the cold? Russia's place in a globalizing world // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. Iss. 3-4. P. 343–354. URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.07.001>

макроэкономическими показателями, о которых свидетельствует высокая эластичность реальной заработной платы по отношению к безработице.

Я. Томкиевич считает, что экономика, которая пострадала от резкого роста безработицы, несет в себе неравенство доходов. Исключением являются Россия и Украина, где наблюдался весьма ограниченный рост уровня безработицы и сильное ухудшение показателей неравенства доходов⁶. К.В. Су и др. обнаружили, что снижение цен на нефть приводит к увеличению задолженности по заработной плате, что указывает на так называемое «нефтяное проклятие» в России, поскольку высокая задолженность по заработной плате, вызванная низкой ценой на нефть, может препятствовать здоровому развитию⁷. М.А. Назир и др. выявили, что в отношениях между основными экспортёрами нефти, Россией и Бразилией, экономика первой из них более интенсивно подвержена влиянию скачков цен на нефть [9].

П. Ванг и др., указывая на общность политики России и Китая в области науки, технологий и инноваций (НТИ), выделили различия целей, применяемых инструментов и подходов реализации политики⁸. Л. Тихи и др. актуализируют энергетические отношения между Российской Федерацией и странами Вышеградской группы (V-4), включающей Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию [10].

Б.С. Серджи полагает, что В. Путин в контексте геополитики и геоэкономики предвидел возникновение ЕАЭС для постсоветского пространства, поскольку частично руководствовался целью по самовозвеличиванию России. Однако точные географические границы ЕАЭС неизвестны [11]. В.В. Боброва, О.И. Бантикова указывают на рост российского потенциала от расширения международных связей в рамках ЕАЭС [12].

Э.П. Саваджо считает, что энергетическая стратегия ЕС признала ограничения СПГ, хотя и не изменила своей позиции по отношению к России⁹. А.Н. Штульберг указал на уязвимости в развивающихся газовых отношениях России с Европой, которые вытекают из «промежуточной

⁶ Tomkiewicz J. The labour market and income distribution in post-socialist economies – Non-obvious regularities // *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51. Iss. 4. P. 315–324. URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.006>

⁷ Su C.-W., Qin M., Tao R., Umar M. Does oil price really matter for the wage arrears in Russia? // *Energy*. 2020. Vol. 208. Article 118350. URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.118350>

⁸ Wang P., Li F. Science, technology and innovation policy in Russia and China – Mapping and comparisons in objectives, instruments and implementation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 162. Article 120386. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120386>

⁹ Sauvageot E.P. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security // *Energy Policy*. 2020. Vol. 145. Article 111699. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111699>

центральности» между формирующимися инфраструктурными узлами и качества корпоративных союзов в субрегионах Центральной Европы [13].

А. Рубино обнаружил, что после газовых споров между Россией и Украиной и недавнего открытия месторождений газа в регионе Восточного Средиземноморья вопросы, связанные с евро-средиземноморским газовым сотрудничеством, снова оказались на переднем крае энергетической повестки дня¹⁰. А. Ческин указывает, что эмоциональная привязанность Украины к «Европе» выросла прямо пропорционально падению эмоциональной привязанности к России¹¹. В этом контексте А. Ватанзевер выделяет усиление «умных» санкций в международной политике [14].

Итак, проблема формирования оптимальных структурных отношений в российской экономике связана с вступлением России в сообщество «цивилизованных государств», в котором действуют стандарты «цивилизованного» поведения, создающие иерархию между государствами. Либеральная демократия, рыночная экономика, поведение в международных отношениях представляют собой важные стандарты «цивилизованного» поведения в международном сообществе после холодной войны, определяющие, какие государства являются членами этого общества, а какие нет. Для того чтобы присоединиться к международному сообществу, Россия должна научиться приспосабливаться к новым реалиям, формируя оптимальные структурные отношения в российской экономике несмотря на внутривнутриполитическое противостояние.

Метод исследования

Для анализа структурных отношений в российской экономике применим методы статистического, нейросетевого и кластерного анализа, включающие обработку статистических показателей, их систематизацию и представление в форме графиков и таблиц¹². Обработка статистических данных осуществляется с применением IBM SPSS Statistics¹³, а построение таблиц, диаграмм и графиков – IBM SPSS Statistics и MS Excel.

¹⁰ Rubino A. The political economy of Euro - Mediterranean cooperation in the gas market: The role of domestic stakeholders and the European Commission // *Resources Policy*. 2021. Vol. 70. Article 101883. URL: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101883>

¹¹ Cheskin A. Russian soft power in Ukraine: A structural perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. 2017. Vol. 50. Iss. 4. P. 277–287. URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2017.09.001>

¹² King A.P., Eckersley R.J. Chapter 1: Descriptive Statistics I. In: *Univariate Statistics. Statistics for Biomedical Engineers and Scientists*, 2019. P. 1–21. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102939-8.00010-4>; Brownstein N.C., Adolfsson A., Ackerman M. Descriptive statistics and visualization of data from the R datasets package with implications for clusterability // *Data in Brief*. 2019. Vol. 25. Article 104004. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104004>

¹³ Fávero L.P., Belfiore P. Chapter 3: Univariate Descriptive Statistics. In: *Data Science for Business and Decision Making*, 2019. P. 21–91. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00003-3>

Статистический анализ является методом сбора, изучения и представления больших объемов данных по признакам¹⁴ и взаимосвязям данных¹⁵, корреляционным взаимосвязям пространственных и временных рядов показателей с сохранением методологии исследования. Статистический анализ позволяет отразить изменение условий и выявить факторы, определяющие элементы, компоненты и подсистемы структурных отношений и их место в российской экономике.

Нейросетевой анализ позволит выявить закономерности изменения объектов или явлений посредством построения нейронных сетей. В отношении анализа структурных отношений в российской экономике выделяются приоритетные виды экономической деятельности в контексте сохранения ее оптимальной структуры.

Применение кластерного анализа обусловлено дополнением вероятностного понимания причинности¹⁶ со связанностью изменений оцениваемых действий. Кластерный анализ систематизирует данные, содержащие информацию о выборке объектов, и упорядочивает объекты исследования в сравнительно однородные группы¹⁷. Это позволяет разработать классификацию исследуемых объектов или явлений, выявить основные схемы их группирования и сформулировать гипотезы¹⁸.

Гипотезы, полученные с помощью статистического, нейросетевого и кластерного анализа позволят выявить существенные структурные отношения в российской экономике.

Анализ

Информационной основой для анализа структурных отношений в российской экономике послужили данные Центрального банка Российской Федерации (Банка России) и Федеральной службы государственной статистики (Росстата), новости и аналитика рынка валют, фондовых и сырьевых рынков и др.

Оценка динамики показателей российской экономики (*табл. 1*) отразила высокую волатильность значений «Внешнеторговый оборот, всего, в % к

¹⁴ Lazar J., Feng J.H., Hochheiser H. Chapter 4: Statistical analysis. In: *Research Methods in Human Computer Interaction* (Second Edition), 2017. P. 71–104. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-805390-4.00004-2>

¹⁵ Schofield S. Impressive statistical analysis // *Science and Public Policy*. 1993. Vol. 20. Iss. 3. P. 214–215. URL: <https://doi.org/10.1093/spp/20.3.214>

¹⁶ Urlacher B.R. Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling // *American Behavioral Scientist* (ABS). 2020. Vol. 64. Iss. 1. P. 55–73. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>

¹⁷ Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C. To cluster, or not to cluster: An analysis of clusterability methods // *Pattern Recognition*. 2019. Vol. 88. P. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>

¹⁸ Favero L.P., Belfiore P. Chapter 11: Cluster Analysis. In: *Data Science for Business and Decision Making*, 2019. P. 311–382. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>

соответствующему периоду предыдущего года», «Официальный курс доллара США по отношению к рублю, на конец периода, руб./долл. США (по данным Банка России)» и «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, в % к соответствующему периоду предыдущего года», а также низкую – «Дефицит/профицит консолидированного бюджета, в % к ВВП», «Объем платных услуг населению (по данным оперативной отчетности), в % к соответствующему периоду предыдущего года (в сопоставимых ценах)» и «Оборот розничной торговли, в % к соответствующему периоду предыдущего года (в сопоставимых ценах)».

Нейросетевой анализ важности темпов прироста показателей российской экономики (*табл. 2*) выявил структурный приоритет внешнеторгового оборота.

Кластерный анализ темпов прироста показателей российской экономики (*табл. 3*) проявил определяющие связи: объем платных услуг населению и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций; инвестиции в основной капитал и оборот розничной торговли. В основе большого кластера находится показатель «Индекс потребительских цен (на конец периода), в % к концу предыдущего периода», удерживающий среднюю структурную важность темпов прироста показателей российской экономики на низких значениях (см. *табл. 2*).

Итак, в основе структурных отношений в российской экономике находятся объем платных услуг населению и оборот розничной торговли, которые зависят от заработной платы работников организаций, которая, в свою очередь, определяется уровнем инвестиций в основной капитал. Волатильность приоритетной динамики внешнеторгового оборота компенсируется официальным курсом доллара США по отношению к рублю в рамках дефицита (профицита) консолидированного бюджета в % к ВВП.

Анализ темпов прироста ВВП и превышение темпов прироста доходов над расходами бюджетов (*рис. 1*) выявил приоритет поступлений в федеральный бюджет над бюджетами субъектов Российской Федерации.

Анализ отношения средних значений за 2017–2019 гг. оборота малых предприятий (включая микропредприятия) к обороту средних организаций по видам экономической деятельности в фактически действовавших ценах выявил (*табл. 4*): 1) существенную роль малых предприятий (включая микропредприятия) и средних организаций: «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»; «Строительство» и «Обрабатывающие производства»; 2) превышение малых предприятий (включая микропредприятия) над средними организациями, значительные из которых: «Деятельность гостиниц и предприятий общественного

питания»; «Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений»; «Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги»; «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом»; «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»; «Строительство»; «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг».

Итак, поступления в приоритетный федеральный бюджет в большей мере зависят от результатов деятельности малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов», «Строительство» и «Обрабатывающие производства».

Анализ индексов изменения фондовооруженности и фондоотдачи видов экономической деятельности (табл. 5) выявил высокие значения:

- фондовооруженности по ВЭД: «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»; «Добыча полезных ископаемых»; «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»; «Деятельность профессиональная, научная и техническая» и «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»;
- фондоотдачи по ВЭД «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания».

Превышение фондоотдачи над фондовооруженностью наблюдается в ВЭД «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом», а наиболее близки друг к другу – «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» и «Транспортировка и хранение».

Таким образом, динамика фондоотдачи и фондовооруженности отражает высокий потенциал инвестиций в деятельность гостиниц и предприятий общественного питания.

В то же время увеличивающееся расхождение в динамике отношения валютных резервов к наличным деньгам в обращении (вне Банка России) и официального курса валюты (рис. 2) указывают на утрату способности российской экономики (RTSI) поддерживать рост за счет внутренних заимствований (RGBI) (рис. 3) и нарастающей зависимостью от валютного курса (USDRUB, DXY).

Обсуждение результатов

В результате анализа структурных отношений в российской экономике выявлены ее следующие важные свойства. Во-первых, это утрата способности российской экономики поддерживать рост за счет внутренних заимствований и нарастающей зависимостью от валютного курса.

Во-вторых, устойчивый рост монетарных показателей – «Дефицит/профицит консолидированного бюджета, в % к ВВП», «Объем платных услуг населению (по данным оперативной отчетности), в % к соответствующему периоду предыдущего года (в сопоставимых ценах)» и «Оборот розничной торговли, в % к соответствующему периоду предыдущего года (в сопоставимых ценах)».

В-третьих, в российской экономике выделяется структурный приоритет внешнеторгового оборота, волатильность которого компенсируется официальным курсом доллара США по отношению к рублю в рамках дефицита (профицита) консолидированного бюджета.

В-четвертых, структурные отношения в российской экономике поддерживаются приоритетом поступлений в федеральный бюджет над бюджетами субъектов Российской Федерации, которые в большей мере зависят от результатов деятельности малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности: «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»; «Строительство» и «Обрабатывающие производства».

В-пятых, в основе структурных отношений в российской экономике находятся объем платных услуг населению и оборот розничной торговли, которые зависят от заработной платы работников организаций и определяются уровнем инвестиций в основной капитал. При этом динамика фондоотдачи и фондовооруженности отражает высокий потенциал инвестиций в деятельность гостиниц и предприятий общественного питания.

Совокупность выявленных существенных свойств российской экономики образуют проблему формирования оптимальных структурных отношений, не позволяющую обеспечить устойчивый рост и поступательное развитие в современных условиях.

Для решения обозначенных проблем необходимо применить принципы мобилизационной экономики в рамках существующей Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. Так, О.А. Василенко считает, что Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. является важнейшим документом стратегического планирования и государственного управления. Его реализация позволит значительно повысить общий уровень и качество государственного управления, направленного на обеспечение безопасности экономической деятельности в стране, усилить устойчивость национальной экономики к внешним и внутренним вызовам и угрозам, укрепить социально-политическую стабильность государства [15].

В то же время С.Н. Сильвестров, В.Г. Старовойтов, А.В. Ларионов указывают на необходимость развития новых подходов к разработке системы показателей для мониторинга реализации стратегии экономической безопасности [16]. О.Б. Шевелева, Н.Д. Вагина, Е.В. Слесаренко предлагают ввести специальную государственную политику экономической безопасности, меры которой направлены на сохранение старых и формирование новых конкурентных преимуществ в условиях отражения действия внешних шоков через обеспечение протекционистского вектора и укрепление национального суверенитета [17]. В свою очередь, С.Н. Ларин, Е.Ю. Хрусталёв предлагают инвестиционную концепцию построения национальной инновационной экономической системы, которая несет в себе новые возможности для формирования новой прогрессивной стратегии развития отечественной экономики [18].

О.П. Смирнова, А.О. Пономарева показали технологическую зависимость отечественных отраслей от импорта передовых производственных технологий и необходимость обновления материально-технической базы промышленных предприятий, сохранение и развитие человеческого капитала [19]. О.В. Кожевина, Л.А. Беляевская-Плотник указали на недостаточный уровень достижения целей устойчивого развития, что является сигналом для федеральных и региональных органов власти к использованию новых точек роста [20].

Выводы

Основой структурных отношений в российской экономике является возможность поддерживать ее рост за счет внутренних заимствований и изменения валютного курса. При этом объем внутренних заимствований коррелирует с объемом платных услуг населению и оборотом розничной торговли, которые зависят от заработной платы работников организаций и определяются уровнем инвестиций в основной капитал, а изменение валютного курса – с внешнеторговым оборотом и дефицитом (профицитом) консолидированного бюджета.

Таблица 1
Динамика показателей российской экономики

Table 1
Trends in the Russian economic indicators

Год	Показатель							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1999	136,5	105,3	86,9	94,2	106,6	144,8	-0,9	27
2000	120,2	117,4	130,2	109	104,7	146	1,9	28,2
2001	118,6	111,7	103,8	111	101,6	145,7	2,9	30,1
2002	115,1	102,9	108,1	109,3	103,7	134,6	0,9	31,8
2003	112	112,7	126	108,8	106,6	126,1	1,3	29,5
2004	111,7	116,8	132,4	113,3	108,4	122,6	4,5	27,8
2005	110,9	110,2	129,7	112,8	107,5	126,9	8,1	28,8
2006	109	117,8	126,6	114,1	107,9	124,3	8,4	26,3
2007	111,9	123,8	123,6	116,1	107,1	127,8	6	24,6
2008	113,3	109,5	132,5	113,7	104,8	127,2	4,9	29,4
2009	108,8	86,5	63,7	94,9	95,8	107,8	-6,3	30,2
2010	108,8	106,3	132,7	106,5	101,5	112,4	-3,4	30,5
2011	106,1	110,8	130,6	107,1	103	111,5	1,4	32,2
2012	106,6	106,8	103,5	106,3	103,7	113,9	0,4	30,4
2013	106,5	100,8	100	103,9	102,1	111,9	-1,2	32,7
2014	111,4	98,5	93,2	102,7	101,3	109,1	-1,1	56,3
2015	112,9	89,9	66,4	90	98	105,1	-3,4	72,9
2016	105,4	99,8	88,5	95,2	99,7	107,9	-3,7	60,7
2017	102,5	104,8	125	101,3	100,2	106,7	-1,5	57,6
2018	104,3	105,4	117,2	102,8	101,4	111,6	2,9	69,5
2019	103	102,1	97,4	101,9	100,5	109,5	1,9	61,9
2020	104,9	98,6	84,7	95,9	82,9	106	-4	73,9
Асимметрия распределения относительно среднего	2,1	-0,3	-0,7	-0,4	-2,2	0,8	0,2	1
Стандартное отклонение	7,4	8,9	21,9	7,4	5,5	13,5	3,9	17,4
Дисперсия	54,7	79,8	477,5	55,3	29,8	181,4	15,5	303

Примечание. 1 – индекс потребительских цен (на конец периода), в % к концу предыдущего периода; 2 – инвестиции в основной капитал, в % к соответствующему периоду предыдущего года; 3 – внешнеторговый оборот, всего, в % к соответствующему периоду предыдущего года; 4 – оборот розничной торговли, в % к соответствующему периоду предыдущего года (в сопоставимых ценах); 5 – объем платных услуг населению (по данным оперативной отчетности), в % к соответствующему периоду предыдущего года (в сопоставимых ценах); 6 – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, в % к соответствующему периоду предыдущего года; 7 – дефицит/профицит консолидированного бюджета, в % к ВВП; 8 – официальный курс доллара США по отношению к рублю, на конец периода, руб./долл. США (по данным Банка России).

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации.
 URL: <https://rosstat.gov.ru>

Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data. Short-term Economic Indicators of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru> (In Russ.)

Таблица 2**Нейросетевой анализ важности темпов прироста показателей российской экономики, 2000–2020 гг.****Table 2****The neural network analysis of the importance of growth rates of the Russian economy, 2000–2020**

Показатель	Важность, %		
Индекс потребительских цен	100	52,3	84
Инвестиции в основной капитал	2,1	63,9	50,2
Внешнеторговый оборот	6,7	100	100
Оборот розничной торговли	78,6	43,4	43
Объем платных услуг населению	5	61,4	65
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	75,2	63,4	65,9
Дефицит (профицит) консолидированного бюджета	54,7	46,8	10,7
Официальный курс доллара США по отношению к рублю	60,5	40,9	66,7
Среднее	47,9	59	60,7

Примечание. Многослойный перцептрон, пакетное обучение.

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации.
URL: <https://rosstat.gov.ru>

Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data. Short-term Economic Indicators of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru> (In Russ.)

Таблица 3**Иерархия кластеров по темпам прироста показателей российской экономики, 2000–2020 гг.****Table 3****The hierarchy of clusters by growth rate in the Russian economics indicators, 2000–2020**

Квадрат евклидова расстояния	Кластер	
530	Объем платных услуг населению	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций
586,5	Инвестиции в основной капитал	Оборот розничной торговли
676,1	Индекс потребительских цен	Объем платных услуг населению
1 359,9		Инвестиции в основной капитал
9 816,3		Официальный курс долл. США по отношению к руб.
21 355,5		Внешнеторговый оборот
652 467,4		Дефицит (профицит) консолидированного бюджета

Примечание. Иерархический кластерный анализ – среднее расстояние между кластерами, квадрат евклидова расстояния.

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации.
URL: <https://rosstat.gov.ru>

Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data. Short-term Economic Indicators of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru> (In Russ.)

Таблица 4

Отношение средних значений за 2017–2019 гг. оборота малых предприятий (включая микропредприятия) к обороту средних организаций по видам экономической деятельности в фактически действовавших ценах

Table 4

The ratio of average values of 2017–2019 turnover of small enterprises (with microbusiness) to the turnover of medium-sized entities by type of economic activity in actual values

Вид экономической деятельности	Среднее значение за 2017–2019 гг. в фактически действовавших ценах, млрд руб.		Оборот малых предприятий (включая микропредприятия) /оборот средних организаций
	Оборот малых предприятий (включая микропредприятия)	Оборот средних организаций	
Всего по обследуемым видам экономической деятельности	51 579,1	6 346,8	8,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	935,6	414,7	2,3
Добыча полезных ископаемых	239,5	105,5	2,3
Обрабатывающие производства	4 679,5	1 613,9	2,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	256,6	81,1	3,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	339,5	47,7	7,1
Строительство	5 483,5	508,9	10,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	29 994	2 743,4	10,9
Транспортировка и хранение	2 132	240,5	8,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	835,2	27,9	29,9
Деятельность в области информации и связи	902,6	103,7	8,7
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2 260,3	145,2	15,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	1 767,7	185,1	9,6

Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	940,2	55,1	17,1
Образование	30,2	–	–
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	405,9	39,2	10,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	135,8	7,3	18,5

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.
URL: <https://rosstat.gov.ru>

Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data.
URL: <https://rosstat.gov.ru> (In Russ.)

Таблица 5

Индексы изменения фондовооруженности и фондоотдачи видов экономической деятельности

Table 5

Changes in the capital-labor ratio and return on assets across types of economic activities

Вид экономической деятельности	Индекс изменения, среднее за 2017–2019 гг.		Фондоотдача /фондовооруженность
	фондовооруженность	фондоотдача	
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	107,2	95,5	0,89
Добыча полезных ископаемых	106,7	94,7	0,89
Обрабатывающие производства	105	96,2	0,92
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	106,1	95,4	0,9
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	105,5	94,7	0,9
Строительство	104,8	95,8	0,91
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	106,6	96,1	0,9
Транспортировка и хранение	101,8	99,4	0,98
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	101,2	100,2	0,99
Деятельность в области информации и связи	102,6	98,7	0,96
Деятельность финансовая и страховая	103,3	95,7	0,93
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	98	99,9	1,02
Деятельность профессиональная, научная и техническая	106,3	96,7	0,91
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	105,8	94,4	0,89

Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	103,8	98,4	0,95
Образование	102,9	98,8	0,96
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	103,7	98,2	0,95
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	103,4	99,8	0,97
Предоставление прочих видов услуг	103,6	96,9	0,94

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.

URL: <https://rosstat.gov.ru>

Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data.

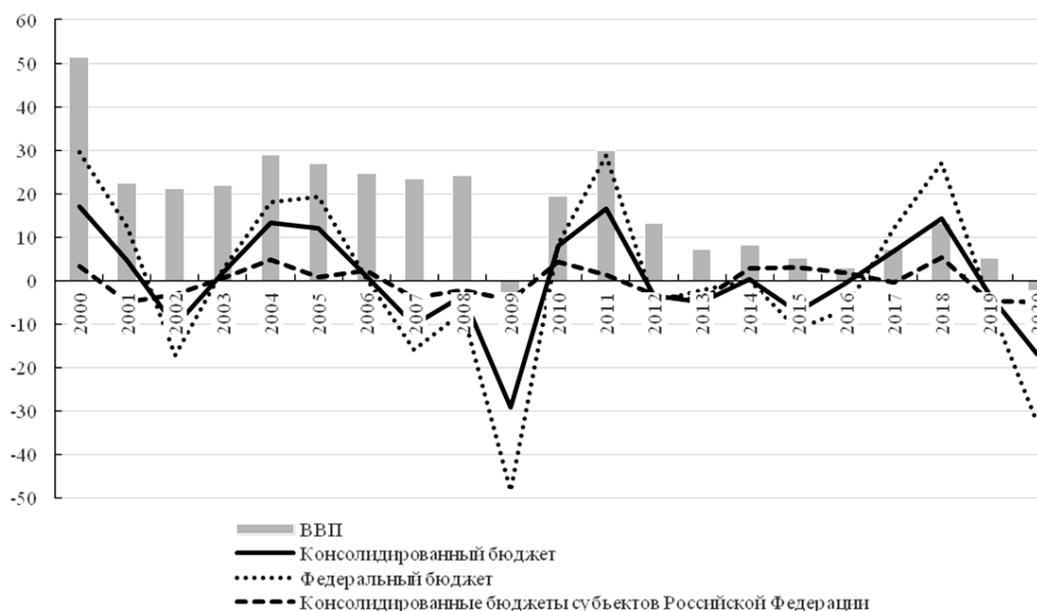
URL: <https://rosstat.gov.ru> (In Russ.)

Рисунок 1

Темпы прироста ВВП и превышение темпов прироста доходов над расходами бюджетов, %

Figure 1

Growth rates of GDP and excess of income growth rates over budget expenditures, percentage points



Примечание. Иерархический кластерный анализ – среднее расстояние между кластерами, квадрат евклидова расстояния.

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики.

Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации.

URL: <https://rosstat.gov.ru>

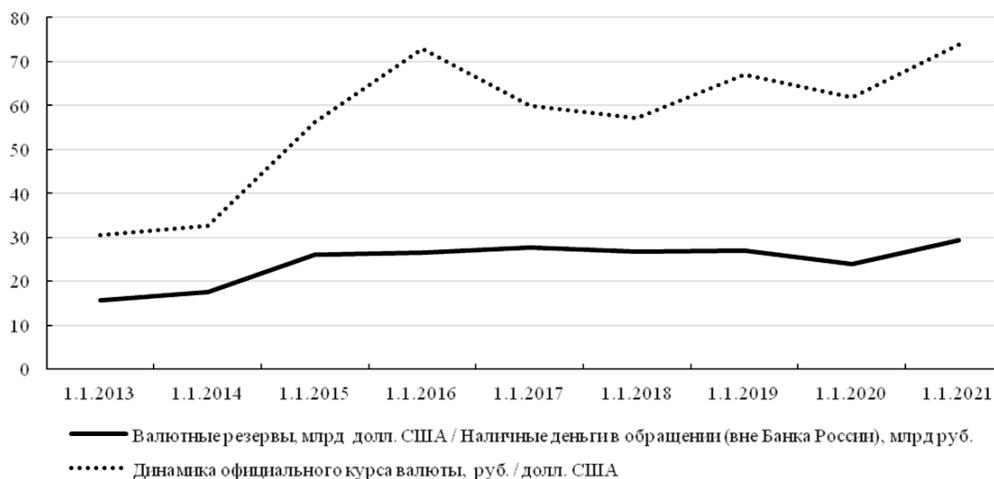
Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data. Short-term Economic Indicators of the Russian Federation. URL: <https://rosstat.gov.ru> (In Russ.)

Рисунок 2

Динамика отношения валютных резервов к наличным деньгам в обращении (вне Банка России) и официального курса валюты

Figure 2

Trends in the ratio of foreign exchange reserves to cash in circulation (outside the Bank of Russia) and the official exchange rate



Источник: рассчитано по данным Банка России, 2000–2021. URL: <https://cbr.ru>

Source: Authoring based on Bank of Russia data, 2000–2021. URL: <https://cbr.ru> (In Russ.)

Рисунок 3

Динамика RTSI, RGBI, USDRUB, DXY

Figure 3

Trends in RTSI, RGBI, USDRUB, DXY



Источник: TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com>

Source: TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com> (In Russ.)

Список литературы

1. *Аганбегян А.Г.* Как преодолеть стагнацию и новый кризис, обеспечив социально-экономический рост // *Экономические стратегии*. 2020. Т. 22. № 6. С. 6–19. URL: <https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.6-19>
2. *Глазьев С.Ю.* О формировании идеологии перехода к новому мирохозяйственному укладу // *Экономические стратегии*. 2020. Т. 22. № 7. С. 46–61. URL: <https://doi.org/10.33917/es-7.173.2020.46-61>
3. *Минакир П.А.* Российская экономика: между кризисами // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 1. С. 7–23. URL: <https://doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023>
4. *Stivachtis Y.A.* Liberal democracy, market economy, and international conduct as standards of “civilization” in contemporary international society: The case of Russia's entry into the “community of civilized states” // *Journal of Eurasian Studies*. 2015. Vol. 6. Iss. 2. P. 130–142. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.04.001>
5. *Summanen T., Arminen H.* Ownership unbundling in electricity distribution: The Russian experience // *Energy*. 2018. Vol. 161. P. 1199–1210. URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2018.07.145>
6. *Hashim S.M.* “High modernism” and its limits – Assessing state incapacity in Putin's Russia, 2000–2008 // *Communist and Post-Communist Studies*. 2017. Vol. 50. Iss. 3. P. 195–205. URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2017.06.005>
7. *Cooper J.* The military dimension of a more Militant Russia // *Russian Journal of Economics*. 2016. Vol. 2. Iss. 2. P. 129–145. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.06.002>
8. *Dabrowski M.* The Russian economy in comparative perspective // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3. Iss. 4. P. 333–335. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.001>
9. *Nasir M.A., Naidoo L., Shahbaz M., Amoo N.* Implications of oil prices shocks for the major emerging economies: A comparative analysis of BRICS // *Energy Economics*. 2018. Vol. 76. P. 76–88. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2018.09.023>
10. *Tichy L., Dubsy Z.* Russian energy discourse on the V4 countries // *Energy Policy*. 2020. Vol. 137. Article 111128. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.111128>

11. *Sergi B.S.* Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political “Janus Bifrons” // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. Iss. 1. P. 52–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>
12. *Боброва В.В., Бантикова О.И.* Россия в системе мирохозяйственных связей: состояние и перспективы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. Вып. 8. С. 1404–1421. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1404>
13. *Stulberg A.N.* Natural gas and the Russia-Ukraine crisis: Strategic restraint and the emerging Europe-Eurasia gas network // *Energy Research & Social Science*. 2017. Vol. 24. P. 71–85. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.12.017>
14. *Vatansver A.* Put over a barrel? “Smart” sanctions, petroleum and statecraft in Russia // *Energy Research & Social Science*. 2020. Vol. 69. Article 101607. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>
15. *Василенко О.А.* Вопросы экономической безопасности и государственного управления в контексте стратегии экономической безопасности России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. Вып. 1. С. 60–79. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.1.60>
16. *Сильвестров С.Н., Старовойтов В.Г., Ларионов А.В.* Развитие системы мониторинга реализации стратегии экономической безопасности в Российской Федерации // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. Вып. 12. С. 2202–2217. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.12.2202>
17. *Шевелева О.Б., Вагина Н.Д., Слесаренко Е.В.* Конкурентоспособность национальной экономики в контексте обеспечения экономической безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. Вып. 9. С. 1698–1710. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.9.1698>
18. *Ларин С.Н., Хрусталёв Е.Ю.* Развитие национальной инновационной системы на основе инвестиционного проектирования // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. Вып. 7. С. 1317–1334. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.7.1317>
19. *Смирнова О.П., Пономарева А.О.* Проблемы и перспективы технологической трансформации промышленного комплекса России

// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16.
Вып. 9. С. 1674–1697. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.9.1674>

20. *Кожевина О.В., Беляевская-Плотник Л.А.* Управленческая модель экономической безопасности территории в контексте целей устойчивого развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. Вып. 12. С. 2234–2253. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.12.2234>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

THE ANALYSIS OF STRUCTURAL RELATIONS IN THE RUSSIAN ECONOMY

Valerii V. SMIRNOV

I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU),
Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>

Article history:

Article No. 160/2021
Received 25 Mar 2021
Received in revised
form 15 April 2021
Accepted 29 April 2021
Available online
15 July 2021

JEL classification: D40,
H10, H19, L10, O10

Keywords: exchange
rate, domestic
borrowing, sufficient
indicator, structural
relations, essential
properties, sustainable
growth

Abstract

Subject. The article investigates structural relations in Russia's economy.

Objectives. I delve into the basis for structural relations in Russia's economy.

Methods. The study is based on the systems approach and the method of statistical, neural network and cluster analysis.

Results. I spotlight the establishment of optimal structural relations in the Russian economy. The article presents a set of material properties of the Russian economy, which hamper the emergence of optimal structural relations, sustainable growth and constructive development in the modern circumstances. What underlies structural relations in Russia is that its growth can be fed with domestic borrowings and paid services for the public, retail turnover, which depend on salaries and investment in capital stock, while changes in the foreign exchange rate are pegged to the turnover of foreign trade and deficit (surplus) of the consolidated budget.

Conclusions and Relevance. Maintained with domestic borrowings and variation of the foreign exchange rate, economic growth, as the basis for structural relations in the Russian economy, is a sufficient indicator to evaluate the performance of the Russian government. The findings contribute to the knowledge and competence of the Russian government to set up consistent goals for creating optimal structural relations in the Russian economy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Smirnov V.V. The Analysis of Structural Relations in the Russian Economy. *National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 7, pp. 1344–1366. <https://doi.org/10.24891/ni.17.7.1344>

References

1. Aganbegyan A.G. [How to overcome stagnation and new crisis, providing socio-economic growth]. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*, 2020, vol. 22, no. 6, pp. 6–19. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.6-19>

2. Glaz'ev S.Yu. [On forming the ideology of transition to a new world economic order in Russia and the EAEU]. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*, 2020, vol. 22, no. 7, pp. 46–61. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.33917/es-7.173.2020.46-61>
3. Minakir P.A. [Russian Economy: Between Crises]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 7–23. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023>
4. Stivachtis Y.A. Liberal Democracy, Market Economy, and International Conduct as Standards of “Civilization” in Contemporary International Society: The Case of Russia's Entry into the “Community of Civilized States”. *Journal of Eurasian Studies*, 2015, vol. 6, iss. 2, pp. 130–142.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.04.001>
5. Summanen T., Arminen H. Ownership Unbundling in Electricity Distribution: The Russian Experience. *Energy*, 2018, vol. 161, pp. 1199–1210.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2018.07.145>
6. Hashim S.M. “High Modernism” and its Limits – Assessing State Incapacity in Putin's Russia, 2000–2008. *Communist and Post-Communist Studies*, 2017, vol. 50, iss. 3, pp. 195–205.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2017.06.005>
7. Cooper J. The Military Dimension of a More Militant Russia. *Russian Journal of Economics*, 2016, vol. 2, iss. 2, pp. 129–145. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.06.002>
8. Dabrowski M. The Russian Economy in Comparative Perspective. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, iss. 4, pp. 333–335.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.001>
9. Nasir M.A., Naidoo L., Shahbaz M., Amoo N. Implications of Oil Prices Shocks for the Major Emerging Economies: A Comparative Analysis of BRICS. *Energy Economics*, 2018, vol. 76, pp. 76–88.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2018.09.023>
10. Tichy L., Dubsky Z. Russian Energy Discourse on the V4 Countries. *Energy Policy*, 2020, vol. 137, Article 111128.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.111128>
11. Sergi B.S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political “Janus Bifrons”. *Journal of Eurasian Studies*, 2018, vol. 9, iss. 1, pp. 52–60.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>
12. Bobrova V.V., Bantikova O.I. [Russia as part of global economic ties: The present and the failure]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* = *National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 8, pp. 1404–1421. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1404>

13. Stulberg A.N. Natural Gas and the Russia-Ukraine Crisis: Strategic Restraint and the Emerging Europe-Eurasia Gas Network. *Energy Research & Social Science*, 2017, vol. 24, pp. 71–85.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.12.017>
14. Vatansver A. Put over a Barrel? “Smart” Sanctions, Petroleum and Statecraft in Russia. *Energy Research & Social Science*, 2020, vol. 69, Article 101607.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>
15. Vasilenko O.A. [Issues of economic security and public administration in terms of Russia's economic security strategy]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 1, pp. 60–79. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.1.60>
16. Sil'vestrov S.N., Starovoitov V.G., Larionov A.V. [Developing the system for monitoring the implementation of the economic security strategy of the Russian Federation]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 12, pp. 2202–2217. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.12.2202>
17. Sheveleva O.B., Vagina N.D., Slesarenko E.V. [The competitiveness of the national economy in terms of economic security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 9, pp. 1698–1710. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.9.1698>
18. Larin S.N., Khrustalev E.Yu. [The development of the national system of innovation through investment engineering]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 7, pp. 1317–1334. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.7.1317>
19. Smirnova O.P., Ponomareva A.O. [The technological transformation of Russia's industrial sectors: difficulties and prospects]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 9, pp. 1674–1697. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.9.1674>
20. Kozhevina O.V., Belyaevskaya-Plotnik L.A. [The management model for local economic security in terms of sustainable development]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 12, pp. 2234–2253. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.16.12.2234>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.